

Вячеслав Молотов, Иосиф Сталин и Никита Хрущев (слева направо) на трибуне Мавзолея. Середина 1930-х годов

«НИКИТА ВСЕ ПРОФУКАЛ»

Еще в годы правления Никиты Хрущева его внешнеполитический курс подвергался резкой критике со стороны Вячеслава Молотова, который долгое время был правой рукой Иосифа Сталина в решении крупных международных вопросов. О том, в чем Хрущев был неправ с позиций сегодняшнего дня и что именно не нравилось в его политике Молотову, «Историку» рассказал внук дипломата, доктор исторических наук **Вячеслав НИКОНОВ**

Беседовал **Владимир РУДАКОВ**

Оправленный Хрущевым в отставку летом 1957-го, Вячеслав Молотов (1890–1986) до конца своих дней оставался последовательным критиком того внешнеполитического курса, который стал проводиться в СССР после 1956 года. Во взглядах Хрущева его не устраивало то, что сам Молотов называл ревизионизмом марксистско-ленинского идеологического наследия. И прежде всего три «ревизионистские» идеи, впервые озвученные на XX съезде партии, – о возможности мирного существования государств с различным общественным строем, о возможности избежать

войн в мире, где так много империалистических держав, и о возможности перехода развитых капиталистических стран к социализму не революционным, а мирным, эволюционным путем. «Это – пересмотр испытанных и выкованных самим Лениным принципиальных установок по вопросам социалистической революции, борьбы против империалистических войн, отношения к империализму», – писал отправленный на пенсию Молотов. Впрочем, помимо сугубо теоретических расхождений, были у него и вполне конкретные претензии, касающиеся внешнеполитических решений «дорогого Никиты Сергеевича».

МИНУСЫ И ПЛЮСЫ

– Как бы вы оценили внешнюю политику Хрущева? Чего в ней было больше – успехов или провалов?

– Конечно, неизбежен встречный вопрос о критериях оценки: что считать успехом и провалом и как определять возможность реализации иных, альтернативных сценариев? Я бы здесь воспользовался образом весов: что оказалось на одной чаше и что на другой.

Итак, что за хрущевское десятилетие было потеряно? Безусловно, самая большая потеря – Китай, и это была невосполнимая потеря. Китай по результатам этого десятилетия оказался в стане врагов Советского

Союза. Разлад с ним явился важнейшим фактором слабости СССР.

Второе: Советский Союз утратил свою «мягкую силу». Если в конце 1940-х – начале 1950-х годов под каким-нибудь Стокгольмским воззванием, которое составлялось в Москве, на Старой площади или в Кремле, подписывалась добрая половина взрослого населения Земли, то, несомненно, в конце 1950-х о подобного рода акциях уже не могло быть и речи.

– Напомните об этой акции.

– Стокгольмское воззвание о запрете использования ядерного оружия было принято Постоянным комитетом Всемирного конгресса сторонников мира в марте 1950 года – формально по инициативе большого друга СССР, выдающегося французского физика Фредерика Жолио-Кюри. С марта по ноябрь 1950-го подписи под воззванием поставили более 273 млн человек.

Но уже после 1956 года, в результате того эффекта, который произвел на мир «секретный» доклад Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина, Советский Союз утратил моральное лидерство, которое было у него после Победы. Именно тогда по большому счету исчезли в качестве весомых факторов мировой политики и международное коммунистическое движение, и многочисленные общества дружбы с СССР, созданные ранее в самых разных уголках земного шара.

– А если говорить про отношения с Западом?

– Отношения с Западом ухудшились, и символами этого ухудшения стали Карибский кризис и Берлинская стена, которая окончательно институционализировала раскол Европы. Если в начале 1950-х еще предпринимались отчаянные попытки создать единую европейскую систему и по крайней мере добиться воссоединения Германии, то в хрущевское десятилетие эти планы были похоронены и отношения с западными странами еще больше обострились.

– Но это чаша весов с негативом. А что в другой?

– Здесь надо упомянуть прежде всего факторы, которые в общем-то

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВА

не очень зависели от самого Хрущева, – это в первую очередь подъем национально-освободительного движения, деколонизация начала 1960-х годов. Хотя, конечно, деколонизация состоялась во многом благодаря тому, что существовал Советский Союз, присутствовал «советский фактор» и СССР оказывал поддержку новым независимым государствам.

То же самое касается и Кубы, которая также как бы упала в руки Советского Союза по независящим от нас обстоятельствам, и заслуга Хрущева лишь в том, что он ее удачно подхватил.

Что еще в плюс? Трудно сказать...

РАЗРЫВ С КИТАЕМ

– Если вернуться к первой чаше весов, к негативным результатам, то в какой мере они были следствием шагов, предпринятых самим Хрущевым? Или все-таки ухудшение было связано с независящими от него обстоятельствами?

– Нет, я думаю, что здесь как раз фактор Хрущева был решающим. В конфликте с Китаем – безусловно. Никто не заставлял его ехать в 1954 году в эту страну. Все наши исследователи-китаисты и все китайские исследователи говорят о том, что ему ни в коем случае нельзя было первым ехать к Мао Цзэдуну. Этого просто нельзя было делать!

– Почему?

– В первую очередь потому, что это противоречило всем представлениям

самых китайцев о том, кто главный. Хрущев своим визитом дал понять, что он выступает вторым номером. Кроме того, там он отказался от всех тех договоренностей, которые СССР выбрал на Ялтинской конференции и затем закрепил в соглашениях с Китаем. Речь шла в том числе о наших позициях в Маньчжурии, о портах на Тихом океане и т. д. Напомню, что еще в 1945 году был подписан договор, по которому СССР получал контроль над Порт-Артуром, Ляодунским полуостровом, Китайско-Восточной железной дорогой. За это советская дипломатия активно боролась и в Ялте, и в Потсдаме, и потом, на советско-китайских переговорах. Хрущев это отдал в один момент.

А в-третьих, он пообещал китайцам помочь с ядерной программой, предоставить Китаю советскую экономическую помощь, но при этом не выдвинул никаких встречных условий. В итоге Мао пришел к выводу, что Хрущев просто... Мао использовал слово «дурак» – я не знаю, насколько это было справедливо в отношении нашего руководителя, но тем не менее очевидно, что китайский лидер воспринял эти односторонние уступки как слабость. А уже после этого началось перетягивание каната, разговоры о том, кто является главным в коммунистическом движении. Затем – обида Хрущева на то, что Китай, которому была выдана вся возможная военно-техническая информация, какую только можно было себе представить, не делится ответной информацией с Москвой. И так далее: завязался клубок противоречий.

«СЕКРЕТНЫЙ» ДОКЛАД

– Доклад Хрущева о культе личности также не добавил теплоты в отношения...

– И доклад на XX съезде, и расправа с «антипартийной группой» в 1957 году – все это в Китае вызвало очень серьезные вопросы. Поэтому если говорить об изменении отношений с этой страной, то, конечно, фактор Хрущева тут был решающим.

Потеря СССР «мягкой силы» – из той же области. Причина – все тот же «секретный» доклад. Безусловно, помимо всех прочих последствий, это был еще и подарок для американских спецслужб. Глава ЦРУ Аллен Даллес

ВЕНГЕРСКИЙ КРИЗИС

Летом 1956 года под влиянием начавшейся в СССР десталинизации был вынужден покинуть свой пост первый секретарь Венгерской партии трудящихся Матьяш Ракоши, имевший репутацию ставленника Иосифа Сталина. Осенью на демонстрации вышли венгерские студенты, потребовавшие проведения демократических реформ в стране, суда над организаторами репрессий, а также вывода советских войск из Венгрии. Кровопролитие началось 23 октября 1956 года в Будапеште, когда демонстранты захватили оружие в казармах Килиана, снесли памятник Сталину и пытались проникнуть в здание Венгерского радио. На следующий день председателем правительства стал лидер умеренного крыла правящей партии Имре Надь, фактически поддержавший восставших. В конфликт вмешались советские войска, но 30 октября Никита Хрущев приказал вывести их из Будапешта. После этого ситуация в столице и других городах вышла из-под контроля: начались массовые расправы над коммунистами и сотрудниками госбезопасности. 4 ноября в рамках операции «Вихрь», разработанной министром обороны СССР маршалом Георгием Жуковым, в Будапешт вновь вошли советские танки. В ходе ожесточенных боев порядок в стране был восстановлен, окончательная зачистка Венгрии от повстанцев завершилась к 19 декабря. Имре Надь и его соратников арестовали, в июне 1958 года им был вынесен смертный приговор.

считал, что это был самый большой подарок, какой он когда-либо в своей жизни получал, и, наверно, так оно и было. Текст доклада Хрущева передавали тогда все радиостанции, которые были подконтрольны Соединенным Штатам, на всех языках мира. Это был самый действенный инструмент делегитимизации «советского проекта» как такового.

— Что здесь было на первом месте: то, что мир до этого почти ничего не знал о действиях Сталина, или то, что первое лицо государства фактически признало преступления, совершенные самим этим государством?

— Конечно, сами по себе репрессии не являлись большим секретом. Американские дипломаты, разумеется, были в курсе того, что происходило в СССР в 1930-е годы. Но в данном случае гораздо более важным было саморазоблачение «внутренней кухни». Ни одна страна мира никогда по доброй воле на такой шаг не шла. А тут мир стал свидетелем признания в неблаговидных поступках предыдущего советского лидера, а по сути – всей советской власти.

— Как вы думаете, при подготовке этого доклада возможный международный резонанс просчитывался Хрущевым?

— Не знаю. Скорее всего, нет.

— Какой эффект произвел доклад на страны советского блока, как это можно оценить?

— Сразу возникли движения протеста, притом достаточно активные, прежде всего в Польше, а потом и в Венгрии, – это были прямые следствия доклада. Плюс это был большой подарок для западной пропаганды, которая резко активизировалась в Восточной Европе. По большому счету это стало запалом для десакрализации советской идеи и началом дезинтеграции всего советского монолита.

ЯДЕРНАЯ ДУБИНКА

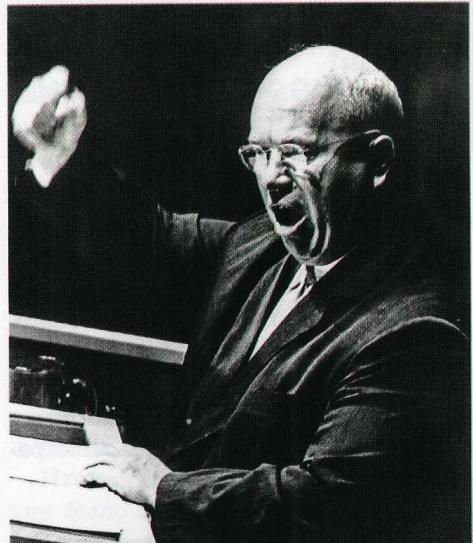
— Чего было больше в хрущевскую эпоху – попыток выстроить систему мирного сосуществования с Западом или резких заявлений, резких шагов? Политика Хрущева больше способствовала ослаблению напряженности или, наоборот, эскалации?

— На мой взгляд, второе: она не способствовала снижению напряженности. И во многом это было связано со стилем поведения Хрущева. Он не был дипломатом. То, чем он меньше всего в своей жизни занимался (по крайней мере, до 1954 года), – это была дипломатия.

Конечно, есть такая точка зрения, что была старая гвардия во главе с Молотовым, которая мешала «прогрессивным тенденциям во внешней политике», и была «линия Хрущева», которая являлась прогрессивной. В действительности же – и очень многие современные историки, в том числе западные, сходятся на этом – все было с точностью до наоборот. Линия на ослабление напряженности – это была линия МИДа, который с 1953 года снова возглавлял Молотов; тогда выдвигалось немало мирных инициатив. И многие из этих инициатив торпедировались как раз ЦК, Хрущевым, который занимал гораздо более жесткую позицию по международным вопросам...

— Почему?

— В силу идеологических причин, в силу того, что Хрущев на самом деле был настоящим ястребом холодной войны. Это первое. Второе – в силу того, что он, не будучи дипломатом, если так можно выразиться, очень сильно напрягал своих партнеров по переговорам. Если почитать мемуары западных лидеров, которые с ним встречались, можно обнаружить массу самых неподнеприятных эпитетов

Во время визита в ООН в октябре 1960 года Никита Хрущев произвел неизгладимое впечатление на окружающих

Мао Цзэдун (на фото справа) был невысокого мнения о Никите Хрущеве, считал его слабым политиком и человеком, подвергшим ревизии учение Маркса – Ленина – Сталина

в его адрес и массу недоуменных вопросов, как такой человек вообще мог возглавлять великую державу.

К тому же Хрущев не стеснялся в выражениях, его буквально несло. Это был поток сознания человека, который в этих вопросах очень плохо ориентировался. И если те же Молотов и Сталин могли днями работать над какой-нибудь дипломатической формулой, то Хрущев залел практику произносить огромные внешнеполитические речи, которые потом занимали целые полосы газет, и в этих речах он зачастую абсолютно не выбирал слов. Был известный анекдот: «Вопрос армянскому радио: можно ли завернуть слона в газету? Безусловно, можно, если там напечатана речь Никиты Сергеевича».

И еще Хрущев, в отличие от Сталина, многократно грозил ядерной дубинкой. Сталин этого никогда не делал. Вообще никогда! А Хрущев при каждом случае говорил о том, что «мы вас разбомбим», «устроим вам ядерную войну», «мы вас закопаем» и т. д.

— Может быть, у Сталина тогда еще ресурсов для этого не было, а у Хрущева они появились?

— Надо сказать, что у Хрущева не намного больше было ресурсов для этого, особенно поначалу. Но дело не в этом. Он впервые попробовал грозить ядерной дубинкой во время Сuezского кризиса 1956 года, когда прямо заявил, что «мы разбомбим Великобританию», если англичане не выведут войска из Суэца. Британия действительно вывела войска, как и Франция, и Хрущев решил, что это произошло благодаря его ядерному шантажу. Хотя и тогда уже было известно, и сейчас, что англичане отреагировали на оклик президента США Дуайта Эйзенхауэра, а не на угрозы со стороны Хрущева. Но Хрущев решил, что угроза применения ядерного оружия — это хороший инструмент, и с этого момента начал регулярно грозить ядерной войной, что также, естественно, не способствовало снижению напряженности.

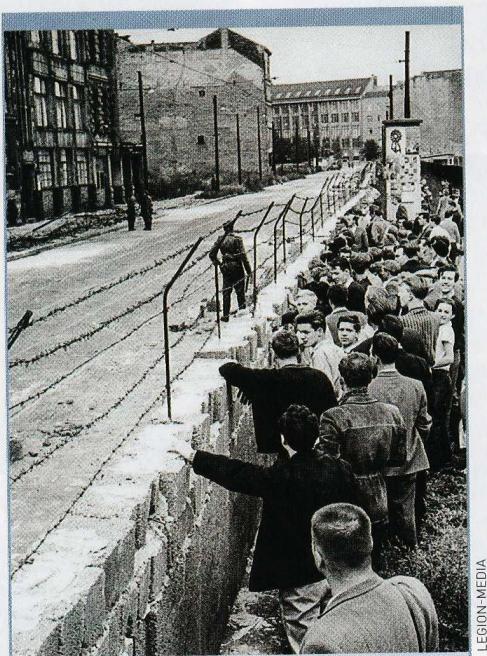
КАПИТУЛЯЦИЯ ВМЕСТО УДАРА

— Зачем ему это вообще было надо — размахивать ядерной дубинкой?

— Многочисленные сценарии ядерного нападения на СССР не были реализованы по одной главной причине:

не: в конце 1940-х — начале 1950-х годов американцы и европейцы прекрасно понимали, что в ответ Советская армия выдвинется к Ла-Маншу и ее сухопутных сил хватит, чтобы захватить Европу. Это было действительно так, однако Хрущев эту возможность постепенно ликвидировал. Существенно сократив сухопутную армию, практически свернув строительство военно-морского флота (оно было заморожено, за исключением подводок), застопорив развитие стратегической авиации дальнего действия, он, по существу, оставил только две опции: либо отступление перед лицом угрозы с Запада, либо нанесение ядерного удара. Все, что было в промежутке между этими двумя полюсами, ушло. Вот почему, кстати, Карибский кризис был таким острым. У нас оставалось два варианта: либо отступление и капитуляция, либо применение ядерного оружия.

И это притом, что в тот момент, когда Хрущев стучал ботинком по плюшитру в Организации Объединенных Наций (1960 год), в Советском Союзе было развернуто... знаете сколько ракет, способных долететь до Соединенных Штатов Америки?

LEGION MEDIA

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС

После Второй мировой войны Берлин оказался разделен на несколько секторов: восточный, ставший столицей Германской Демократической Республики, и западные сектора города, где находились войска США, Великобритании и Франции. Советский Союз не раз требовал пересмотра четырехстороннего статуса Берлина и демилитаризации Западного Берлина, но мирная конференция по этому вопросу, договоренности о которой удалось достичь, в мае 1960 года была сорвана из-за шпионского скандала. Остроте конфронтации способствовало стремление властей ГДР пресечь массовый переход горожан в западные сектора. По решению руководства страны, согласованному с советскими властями, 13 августа 1961 года началось строительство по всей границе Западного Берлина стены из бетонных блоков. Это вызвало бурю негодования в западной прессе, в город были отправлены дополнительные американские войска. Одним из эпизодов Берлинского кризиса стал инцидент у КПП «Чарли» в октябре 1961-го: американцы предприняли попытку уничтожить часть стены, но были блокированы советскими танками. Получив команду немедленно открывать огонь в ответ на стрельбу противника, обе стороны ждали. Первыми место конфликта покинули советские танки, после чего отошли назад и американские силы. Опасность перерастания мелкой стычки в полномасштабную войну двух сверхдержав миновала, а Берлинская стена простояла до 1989 года.

- Несколько.

– Правильно. Шесть. Во время Карибского кризиса – около двух десятков плюс то, что успели поставить на Кубе.

– То есть это был еще и блеф к тому же.

– Это был еще и блеф!

– Кто, по вашему мнению, больше виноват в возникновении Карибского кризиса – Хрущев или президент США Джон Кеннеди? Кто из них поставил мир на грань ядерной войны?

– Ну как вам сказать... Смотрите, Соединенные Штаты разместили ракеты по периметру наших границ. Особенно нас беспокоили «Юпитеры», размещенные в Турции, совсем недалеко от стратегически важных регионов СССР. У нас число ракет стратегического назначения, которые могли долететь до Америки, тогда можно было сосчитать на пальцах двух рук. Естественно, Хрущев хотел создать симметричную ситуацию, и отсюда эта идея размещения ракет среднего радиуса действия на Кубе, в непосредственной близости от США. Плюс имело место стремление обезопасить Остров свободы от вторжения американцев, которое активно готовилось. В итоге туда повезли вооружение, ракеты средней дальности, начали готовить пусковые установки. В США, конечно, это дело разведали и решили, что не могут допустить такого вблизи своих границ. Вот и получился кризис. Кто в нем виноват?

– Но это была авантюра со стороны Хрущева, как зачастую преподносят на Западе, или в его действиях имелась все-таки некая логика, а также расчет на то, что все это может привести к какому-то позитивному результату?

– В итоге все это привело к определенному позитивному результату, поскольку был взаимный испуг от этой ситуации, после чего начались переговоры по контролю над вооружениями, которых – обращаю ваше внимание – не было до Карибского кризиса. Поэтому я считаю, что здесь нельзя рассуждать в категориях вины.

В поведении Хрущева была своя рациональная логика – создать ситуацию равной опасности для Соединенных Штатов и защитить Кубу. Но при этом он переоценил наши возможности, а в условиях слабости флота у СССР не оставалось иного выбора, кроме как отступить или, наоборот, нанести по США ядерный удар. Хрущев предпочел отступить.

Конечно, преподносилось это так, как будто и Москва, и Вашингтон вместе отошли от опасной черты. Но Москва отошла от нее дальше, чем американцы. И на мой взгляд, это явилось одной из причин, почему Хрущева решили снять.

– То есть его отставка была спровоцирована внешнеполитическим поражением?

– Шире: Хрущев обвинялся в создании ситуации выбора – либо ты поднимаешь руки, либо нажимаешь на ядерную кнопку. Проведен-

Никита Хрущев с легкостью расставался с быльими союзниками. На фото слева направо: первый председатель КГБ (1954–1958) Иван Серов, министр иностранных дел (1953–1956) Вячеслав Молотов, Никита Хрущев и министр обороны (1955–1957) Георгий Жуков

Встреча главы советского правительства и президента США в Вене 4 июня 1961 года. На фото слева направо: Джон Кеннеди, Нина Хрущева, федеральный президент Австрии Адольф Шерф, Никита Хрущев и Жаклин Кеннеди

ное им прореживание всего оборонного комплекса, за исключением ракет разного радиуса действия, конечно, вызывало очень серьезную озабоченность как со стороны военных и спецслужб, так и со стороны политического руководства.

СВАЛИТЬ С ПЬЕДЕСТАЛА МОЛОТОВА

— Как вы считаете, готов ли был Вашингтон в эпоху Хрущева к равноправному диалогу с Москвой?

— Вашингтон никогда и ни с кем не готов к равноправному разговору.

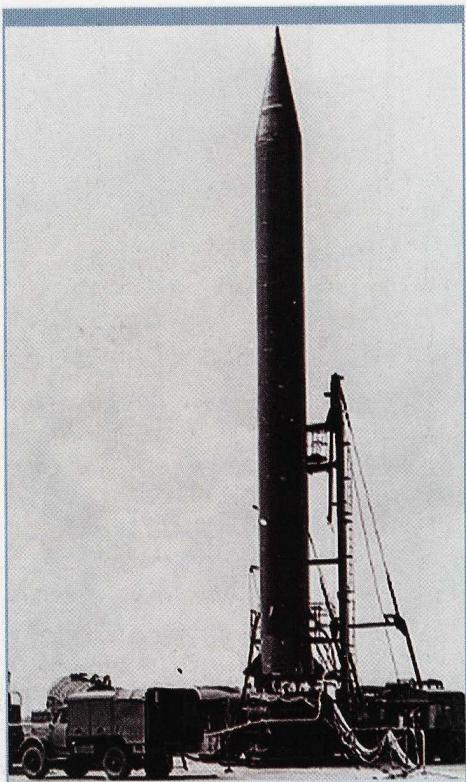
— И это не зависело от того, кто хозяин Белого дома — Эйзенхауэр или Кеннеди?

— Абсолютно. Американцы никогда ни с кем на равных не разговаривают. Мог быть более или ме-

нее равноправный диалог разве что Франклина Рузвельта со Сталиным, да и то лишь в тот момент, когда наши войска подходили к Берлину. А во всех остальных ситуациях Соединенные Штаты, безусловно, действуют с позиции силы, и у них нет равноправных партнеров — не было тогда, нет и сейчас. Просто нет и быть не может.

Естественно, при этом США всегда считали и теперь считают себя силой, которая находится на «правильной стороне истории». Такая уверенность базируется на том, что Штаты — это сверхдержава. Не будем забывать, что на их долю после Второй мировой войны приходилось 60% мирового ВВП. А американские военные возможности пре-восходили советские возможности многократно, с точки зрения тех-

ники прежде всего. Тот же самолет-разведчик U-2 с Гарри Паркером, который был сбит 1 мая 1960 года над Уралом, — все-таки это был уже 24-й полет U-2. До этого до него просто не могли дотянуться. Так что у Америки в тот период было очень большое превосходство, в том числе и в ядерном вооружении, и в средствах доставки. Плюс у США были базы по границам нашей страны. Вот почему американцы разговаривали с нами с позиции силы. И когда после этого инцидента с Паркером Хрущев захотел заставить американцев извиняться, никаких извинений, разумеется, не произошло, и планировавшаяся первоначальная встреча лидеров СССР и США была сорвана. После чего Крупчий опирался на известное заседание ООН, и перед ним уже не стояла изв-

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

В 1959 году на Кубе победила революция, в результате которой лидером страны стал Фидель Кастро. Последовавшая за этим национализация американских предприятий на острове обострила отношения новой власти с США. Американцы неоднократно предпринимали попытки покушения на жизнь Кастро, а в 1961-м организовали вторжение на Кубу, не увенчавшееся успехом. В том же году они установили на территории Турции ракеты средней дальности «Юпитер», создавшие непосредственную угрозу СССР. В ответ Никита Хрущев приказал расположить советские баллистические ракеты на Кубе, что и было сделано в сентябре 1962 года в рамках операции «Анадырь». В октябре Москва и Вашингтон оказались на грани открытого военного столкновения, после того как США начали морскую блокаду Острова свободы и привели свои войска в состояние полной боевой готовности. СССР ответил тем же, но одновременно Хрущев написал американскому президенту Джону Кеннеди письмо с предложением о выводе советских ракет в обмен на гарантии безопасности для кубинского правительства. После столкновения советской подводной лодки Б-59 с американскими кораблями начались поиски мирного решения конфликта. Итогом стал вывод советских ракет с Кубы и прекращение морской блокады острова со стороны США.

ровой дорожки, как во время предыдущего его посещения США в 1959 году.

– Если в общих чертах определять, то чем отличалась внешняя политика Сталина от внешней политики Хрущева? Есть какие-то базовые принципы, которые их отличали?

– У Сталина была системная внешняя политика, нацеленная прежде всего на усиление геополитических позиций Советского Союза, – это была жесткая, силовая стратегия. У Хрущева я, честно говоря, никакой стратегии не вижу. Это была в значительной степени политика, направленная на решение каких-то проблем, в том числе и внутриполитических. В первую очередь это проявилось в югославской истории – попытке восстановить отношения с Компартией Югославии и лично с ее лидером Иосипом Броз Тито. Я почти уверен, что это было связано только с одним – желанием свалить с пьедестала Молотова, который вместе со Сталиным разругался с Тито. Молотов не был против замирения с Югославией как с государством, но он был против замирения с ее компартией, поскольку усилиями этой партии просоветские руководители Югославии оказались в концлагерях. И Молотов не считал возможным в этих условиях стелиться перед Тито, как это делал Хрущев, который в униженной манере доби-

вался восстановления отношений с Белградом. Причем само по себе отсутствие контактов с Югославией не играло особой роли, и объективно перед Москвой не стояло сверхзадачи наладить эти отношения любой ценой.

Я уверен: это делалось во многом для того, чтобы подставить Молотова и осудить его линию.

– Как министра иностранных дел.

– Молотов был не только министром иностранных дел – он все-таки был одним из тех, кто мог претендовать на лидерство в стране.

ПОЛИТИКА ДИЛЕТАНТОВ

– Молотов потом резко критиковал внешнеполитический курс Хрущева. За что?

– Дед говорил так: «Мы контролировали почти 70% человечества. Нам оставалось немного. А Никита пришел и все профукал».

– В чем были принципиальные разногласия между ними, как вы себе представляете?

– Принципиальные разногласия между Молотовым и Хрущевым во внешней политике определялись тем, что Молотов был дипломатом, а Хрущев нет. Когда Хрущев занялся внешней политикой, это уже не имело отношения к собственно дипломатии. Раньше были переговоры: Ялта, Потсдам, Совет министров иностранных дел, мирная конференция

Лидер кубинской революции Фидель Кастро был частым гостем Никиты Хрущева

Никита Хрущев любил зарубежные визиты, которые иногда занимали весьма продолжительное время. На фото: Хрущев в гостях у лидера Югославии Иосипа Броз Тито. 1963 год

1947 года в Париже, где Молотов сидел месяцами и работал. Для Хрущева же, если он куда-то выезжал, это была во многом экскурсионная поездка. Он мог провести переговоры, однако не они становились главной частью визитов. Вот он в 1959 году впервые приехал в Америку, к Эйзенхауэр, на две недели. Из всех этих дней он с Эйзенхауэром поговорил, ну, может быть, сутки в общей сложности. Все остальное время – это знакомство с кукурузой в Айове, поездка в Калифорнию (Лос-Анджелес, Сан-Франциско) и т. д. То же самое и с Югославией.

И такими, в свою очередь, стали визиты зарубежных лидеров в Советский Союз – безразмерными по продолжительности, с постоянными пьянями и путешествиями по стране. Каждый визит превращался в большое застолье, торжественное мероприятие, разнообразные поездки в сопровождении самого Хрущева.

Или взять хотя бы приезд Хрущева в ООН в 1960 году. Что он там делал? Он посещал проходные заседания, где ему либо нравились, либо не нравились ораторы. Хрущев реагировал, брал слово по поводу выступлений каких-нибудь представителей маленьких государств, все время возмущался и клеймил американский имперализм. Ни один глава государства так себя в ООН никогда не вел.

Кроме того, Хрущев любил политику «с барского плеча». То есть все, что Сталин с Молотовым по крупи-

ХРУЩЕВ ЛЮБИЛ ПОЛИТИКУ «С БАРСКОГО ПЛЕЧА». ТО, ЧТО СТАЛИН С МОЛОТОВЫМ СОБИРАЛИ ПО КРУПИЦАМ, ОН ГОТОВ БЫЛ ОТДАТЬ В КАЧЕСТВЕ ЖЕСТА ДОБРОЙ ВОЛИ

цам собирали, – все это моментально отдавалось ни за что, просто в качестве жеста доброй воли. Причем многое из розданного было завоевано кровью наших солдат. Вспомним те же самые Курильские острова: что, кто-то заставлял его обещать японцам передачу двух из четырех островов?

– Вы считаете, что курильская проблема началась так остро именно тогда?

– Естественно. Курилы оказались у нас благодаря так называемому соглашению Молотова – Гарримана, заключенному на полях Ялтинской

конференции. В 1945 году была достигнута договоренность о том, что Курилы – наши. А Хрущев готов был разменять эти острова, хотя никакой необходимости в этом не было. Но он хотел заключить с Японией мирный договор. И почти заключил: и у нас, и в Японии все необходимые документы уже ратифицировали. После этого американцы сказали, что если японцы согласятся забрать только два острова, а не четыре, то они заберут Окинаву. В этих условиях Япония отказалась от заключения договора.

Однако если вдуматься, надо было отдавать острова японцам? Даже два? Я считаю, что и тогда не надо было, и сейчас не надо. Вообще, разбрасываться своими территориями, союзниками и интересами – это точно то, чего Молотов никогда не делал. А Хрущев – сколько угодно.

– Спустя годы Михаила Горбачева стали сравнивать с Хрущевым...

– Это некорректное сравнение. Надо сказать, что Хрущев был более успешен во внешней политике, чем Горбачев: все-таки результатом его деятельности не стало максимальное ослабление geopolитических позиций страны, а затем и ее распад.

Но Горбачев, безусловно, типичный шестидесятник. Собственно, это было целое поколение политиков, которых Хрущев вызвал к жизни. Они были жесткими антиурожочниками – такими же, как и сам Хрущев. В этом их основное отличие, скажем, от китайского руководства – Дэн Сяопина и его соратников. Если Китай стал развивать рыночную экономику, то наши шестидесятники вновь начали строить социализм – только не такой, как был прежде, а «гуманный и демократический», «с человеческим лицом».

Что же касается внешней политики, это были идеалисты, считавшие, что в мире есть некие общечеловеческие ценности, которые просто надо распространить на всех. Но они распространяли их исключительно на самих себя, тогда как остальные страны по-прежнему следовали обычным geopolитическим рецептам и соответствующим образом строили свою политику, преследуя прежде всего цель увеличить свое влияние. ■